

— Что стряслось, Акико?

Резкий, глухой стук наверху заставил Ранпо Эдогаву вскинуть голову. Его чуткий слух мгновенно уловил, как с силой распахнулась дверь, и он отложил в сторону то, что держал в руках.

Акико Ёсано, одетая в медицинский халат, по подолу которого расплылось несколько свежих бурых пятен крови, торопливо сбегала по лестнице. В руках она сжимала исписанные листки — свежие записи чьих-то показаний.

— Ранпо, ты уверен, что Кавех сейчас в клане Камо? — спросила она предельно серьезно, с размаху опустив бумаги на стол.

— Разумеется, — Ранпо потянулся к бумагам и быстро, по диагонали, пробежался глазами по строчкам. Из хаотичных, записанных наспех каракулей он мгновенно выудил суть. — Некое существо, способное захватывать чужие тела...

Он нахмурился.

Мысль о безопасности Кавеха скользнула первой, но, вспомнив о возможностях малютки-аранары, Ранпо немного успокоился. Куда больше его теперь тревожил Масамичи Яга, взявшийся за этот злосчастный заказ.

«Тварь, крадущая чужие оболочки, нанимает мастера проклятых кукол?»

Ранпо прокручивал это в голове. Ведь за последние годы ничего подобного в мире магов не происходило.

Благодаря зацепкам, которые принесла Акико, картина в разуме великого детектива мгновенно сложилась воедино. Существо явно получило серьезную рану и отчаянно нуждалось в новом носителе. Но отпустит ли оно кукольника невредимым? Если судить по тому, как тщательно этот паразит скрывался долгие годы, он ни за что не позволит магу, знающему слишком много, просто так уйти. Особенно теперь, когда сам уязвим.

— Да уж... Ну и влип же ты, Яга, — пробормотал Ранпо.

Даже он вынужден был признать, что мастеру кукол катастрофически, просто феноменально не повезло стать жертвой столь нелепого стечения обстоятельств.

Нанести рану столь изворотливой твари могло лишь то, с чем она была совершенно не в силах совладать. А единственным громким происшествием за последнее время оставался разгром, который Бьякуран устроил во время своей «экскурсии» по миру магов.

— Как думаешь, — Акико пристально посмотрела на напарника, — каков шанс, что Кавех с его характером бросит этого Ягу и сбежит сам при первой возможности?

Они переглянулись. В глазах друг друга они прочли один и тот же отчетливый ответ: нулевой.

Кавех не умел бросать людей в беде — будь то Масамичи Яга или совершенно незнакомый прохожий. С его упрямым благородством он и в мирные-то дни постоянно вредил сам себе, а уж оказаться бок о бок с прожорливым чудовищем и вовсе было чистым безумием.

Акико поджала губы и молча расстегнула пуговицы халата, сбрасывая его с плеч.

— Собралась туда? — спросил Ранпо.

— Да. Буду ждать неподалеку от поместья Камо.

Вытащить их силой она бы не сумела, но подстраховать на случай непредвиденных ранений — вполне. Для нее самой это было рискованно, однако в мире магов ее уникальная способность, чертовски похожая на обратную проклятую технику, могла послужить отличным прикрытием и щитом от лишних вопросов.

— Погоди, — остановил ее Ранпо.

— Что?

— Если эта тварь пострадала из-за разборок вокруг клана Годзё, она наверняка в курсе, кто крутится около Сатору. И про нас она тоже может знать. Обычная засада здесь не поможет. Нужно либо заставить ублюдка отказаться от покушения на Ягу, либо действовать молниеносно и выкрасть его до того, как они поймут, что произошло.

Осознав всю степень угрозы, Ранпо отбросил мысль о выжидании. Ситуация принимала скверный оборот: когда имеешь дело с паразитом, способным беспрепятственно менять тела, приходится просчитывать самые худшие сценарии. И как бы сильно ни переживала Акико, пускать ее туда сейчас было нельзя — одно неверное движение, и прикрытия Кавеха разлетится в щепки.

Акико замерла, опустив руки, а затем бессильно опустилась на стул рядом с ним.

— И что нам тогда делать?

Ранпо промолчал. Пальцы его быстро застучали по кнопкам телефона, отправляя Кавеху короткое, но емкое предупреждение.

Вытащить человека из логова одного из трех великих кланов, не подняв при этом тревогу, силами всего двух оперативных сотрудников — задача на грани невыполнимого. Все-таки клан Камо дорожил своей репутацией, и прорваться сквозь их многослойные барьеры без лишнего шума было практически невозможно.

— Эх... Если бы один воришка чужих сладостей согласился составить нам компанию, великий Ранпо, так и быть, сменил бы гнев на милость, — со вздохом протянул детектив.

— Эй, ну я же уже извинился! Да и Одасаку забил твой шкаф вкуснятиной под завязку! — раздался недовольный голос от двери.

Сюдзи Цусима бесцеремонно заглянул Ранпо через плечо, жадно вчитываясь в лежащие на столе листы. Стоило ему услышать о звонке Одасаку, как он тут же нашел предлог улизнуть с занятий и примчался в агентство, застав самое начало военного совета.

— Тоже мне, бином Ньютона, — хмыкнул Сюдзи. — Просто возьмите меня с собой. Я развею барьер клана Камо в мгновение ока, а заодно сниму с этого бедолаги все его проклятые фокусы.

Его «Неполноценный человек» — абсолютная способность к аннулированию чужих сил — ломала логику мира магов, превращая Сюдзи в идеальное оружие против любого шамана. К тому же, после того как Сатору без конца таскал его через барьеры клана Годзё, парень прекрасно понимал, как устроена эта защитная паутина.

— Разумеется, идеальный вариант — схватить паразита и сразу сделать ноги, чтобы не мараться объяснениями с этими надутыми индюками из клана Камо.

За его плечами стоял влиятельный клан Цусима, так что личное разоблачение мало заботило Сюдзи. Но вот Ранпо и Тодзи Дзэнину светиться было категорически нельзя. Если верхушка Камо пронюхает, что за операцией стоят ищейки из полиции, весь их изящный план по подрыву авторитета высших чинов мира магов полетит к чертям.

И тогда Ранпо, мечтавшему о продвижении по службе, придется приложить вдвое больше усилий, чтобы пробиться наверх.

— Будем надеяться, этот кукольник окажется крепким орешком и продержится подольше, — вздохнул Сюдзи.

Единственный посторонний в их компании удостоился столь искреннего сопереживания, хотя сам Масамичи Яга вряд ли обрадовался бы подобной «поддержке».

Италия

В это же время на другом конце света, в Италии, Аль-Хайтам выступал в непривычной для себя роли надзирателя.

Несмотря на то что технологии, принесенные Бьякураном, удалось успешно скопировать, сложное внутреннее устройство коробочек ломало все привычные законы физики. Ученым Вонголы пришлось потратить немало бессонных ночей, прежде чем они нащупали хоть какую-то логику.

Аль-Хайтам молча изучал бегущие по мониторам бесконечные столбцы данных. Его взгляд то и дело возвращался к парящему в силовой установке артефакту. Скрестив руки на груди, он стоял чуть поодаль, стараясь не мешать процессу, но подмечал каждую деталь.

Он и не подозревал, что его холодное, бесстрастное присутствие действовало на итальянских ученых почище строгого выговора. Под тяжелым взглядом «контролера» лаборанты работали с утроенной силой, суетливо стуча по клавиатурам.

Раздался тихий, отчетливый щелчок. Коробочка наконец поддалась.

Из рассеивающегося марева проявился белобрысый мальчишка. Окутанный тусклым призрачным сиянием, он покачнулся, словно пьяный, но все же удержал равновесие и твердо встал на ноги.

Аль-Хайтам нахмурился, не спеша подходить ближе. Он продолжал внимательно следить за каждым его жестом.

Сатору стоял, низко опустив голову. Он намертво закрыл лицо ладонями и замер, не издавая ни звука.

Между его плотно сжатых пальцев просочилась влага. Тонкая, едва заметная дорожка прочертила бледную кожу его рук и одинокой каплей сорвалась на холодный пол лаборатории.

Он плакал.

Слишком долго копившееся напряжение, запертое где-то глубоко внутри, вырвалось наружу в тот самый миг, когда душа воссоединилась с плотью. Сатору не успел, да и просто не смог воздвигнуть привычные барьеры безразличия — тело предательски выдало его истинные чувства.

Соленые, горькие слезы. Пятнышко на полу было совсем крошечным, почти незаметным в слепящем свете ламп.

Но в этой влаге скопилось слишком много неподъемного груза: запоздалая радость, глухое сожаление, смертельная усталость и выжигающая боль. Рожденный под знаком

«Божественного дитя», Сатору Годзё не плакал с самого младенчества. И этот момент, возможно, стал вторым разом в его жизни, когда он позволил себе слабость.

Неожиданно к его пылающему лицу прикоснулись чужие пальцы — прохладные, уверенные. Мягкая салфетка бережно промокнула мокрые дорожки на щеках.

«Не плачь?» — стоило ли говорить столь банальные глупости?

Аль-Хайтам мысленно вздохнул. Он понятия не имел, через какой ад пришлось пройти Годзё, но прекрасно понимал: когда истерика утихнет, тот сгорит от жгучего стыда и злости на собственную уязвимость. Чтобы избавить парня от лишних глаз, Аль-Хайтам мягко, но крепко перехватил его за плечо и повел прочь из шумной лаборатории в поисках тихого угла.

Огромный комплекс Вонголы кишел суесящимися сотрудниками, но за две недели Аль-Хайтам успел досконально изучить каждый коридор. Он уверенно завернул за угол и толкнул дверь пустующего кабинета.

Сатору, раздавленный лавиной воспоминаний, послушно шел следом, полностью доверяя своему проводнику. Он так и не отнял рук от лица, даже когда за ними мягко закрылась дверь.

Ситуация складывалась, мягко говоря, скверная.

Для Аль-Хайтама, чьим жизненным кредо всегда было невмешательство в чужие драмы, это был совершенно новый опыт. До сегодняшнего дня единственным человеком, чьи слезы ему приходилось терпеть и утешать, был Кавех. А тут перед ним стоял сильнейший маг современности, рыдающий как брошенный ребенок.

Пытаясь нащупать нужные слова и мысленно перебирая все, что ему довелось узнать о природе времени и параллельных миров, Аль-Хайтам наконец заговорил. Голос его звучал ровно, без лишней сентиментальности:

— Что бы ты там ни увидел... здесь этого еще не произошло.

Больше он не произнес ни слова. В тишине кабинета слышался лишь тихий шорох бумажной салфетки, убирающей остатки влаги с бледного лица.

Но ненавязчивая, молчаливая поддержка подействовала лучше любых пылких речей. Сатору, блуждавший в лабиринте чужих кошмарных воспоминаний, медленно возвращался в реальность. Он начал цепляться за спасительные различия между тем будущим и этим настоящим: здесь у него был учитель, которого никогда не существовало в стертых временных линиях, да и сам мир вокруг подчинялся иным правилам.

— Хм... — Сатору шумно выдохнул и, словно разозлившись на собственную слабость, выхватил

салфетку из рук Аль-Хайтама. Он сердито вытер лицо, избавляясь от покраснений, и взял эмоции под жесткий контроль.

— Я хочу вернуться. Немедленно, — буркнул он. Одного взгляда на обстановку кабинета ему хватило, чтобы понять: они далеко за пределами Японии. — У Вонголы ведь есть частные самолеты? Полетим на одном из них.

Хриплые, простудные нотки в его голосе делали Сатору донельзя беззащитным, почти жалким. Однако стоило заглянуть в его чистые, лишенные повязки глаза, как иллюзия рушилась. В глубине лазурных глаз тлела ледяная, острая, словно осколки зеркала, ярость.

Ему нетерпелось лично свернуть шею Кэндзяку, а затем планомерно, один за другим, стереть в порошок проклятые пальцы Сукуны. Отомстить за лучшего друга, за искалеченные судьбы учеников и за самого себя из несостоявшегося будущего. Каждая секунда промедления казалась ему преступлением.

— Исключено, — ровным тоном отрезал Аль-Хайтам.

Хотя сознание вернулось в тело, необходимо было провести тщательную диагностику на наличие скрытых ментальных и физических повреждений. Не обращая внимания на недовольное сопение эмоционально нестабильного подростка, Аль-Хайтам крепко взял его за запястье и потащил в медицинский блок.

Показатели оказались в идеальном порядке. Физически Сатору был абсолютно здоров.

Однако стоило взглянуть, как отрешенно Годзё уставился в одну точку перед собой, заново прокручивая в голове кошмары чужих воспоминаний, как становилось ясно: душевная травма была куда глубже любых физических недугов.

— Теперь-то мы можем лететь? — Сатору вскинул подбородок.

Вид у него был такой, словно в случае очередного отказа он просто применит телепортацию и переместится в Токио самостоятельно.

— Можем, — спокойно согласился Аль-Хайтам.

<http://bllate.org/book/18256/1755729>